

Время царствование императрицы Екатерины II стало во многом благодатным для России и в том числе для многих отдаленных сибирских окраин: оживилась местная торговля, беспрепятственно перемещались за Уралом научные исследовательские экспедиции, возглавляемые в большинстве своем иностранцами, наконец-то вместо деревянных домов и храмов стали повсеместно возводиться каменные сооружения. Одно печально, прибавлялось число ссыльных, этапы которых уходили все дальше и дальше на восток. И еще одно. Закрылась сибирская митрополия, ставшая с прибытием епископа Варлаама обычной епархией с сохранением архиерейской кафедры в старинном Тобольске. И пришлось новому владыке пробыть на этом посту без малого 33 года и здесь же обрести вечный покой в некрополе Софийского собора, незадолго до смерти им подновленным и перестроенным.

Трудно ответить, как случилось, что рядовой, казалось бы, человек из скромной и незаметной семьи московского дьячка стал одним из выдающихся сибирских церковных деятелей, чей лик изображен на известной и почитаемой иконе «Святые на земле сибирской просиявшие». Он родился в 1729 г. в Москве, а через год появился его младший брат Гавриил, ставший впоследствии лицом государственным и в духовных кругах влиятельным, находясь на посту митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, ближайшим сподвижником Екатерины II.

Об их родителях сведений практически не сохранилось, разве что известны их имена: отца – Петр, а матери – Ирина. И то, что «отличались они душевною добротой и благочестием», в котором и воспитали своих сыновей. Может, это и есть главная основа в воспитании, благодаря чему затем и складывается дальнейшая судьба отрока, сформировался устойчивый побег, способный вынести все выпавшие на его долю испытания и противостоять многочисленным невздам, искушениям и превратностям судьбы. А может, все дело в родительской молитве? Или же каждому из нас уготовлено свыше пройти своей дорогой, а кому-то и извилистой тропинкой, чтобы в конце пути достигнув заветной цели, сказать: «Спасибо, Господи, за милость твою». Но неизменно одно: детство и юность определяют многое, если не всю дальнейшую жизнь человека.

...Именно в юности, когда приступил Варлаам к изучению «наук словесных», ждало его одно из первых в этой жизни испытаний: болезнь ног. В дореволюционных биографических материалах, посвященных Варлааму (Петрову), о болезни его говорится крайне скупо. Насколько можно судить, то были последствия детского полиомиелита, хотя более точно сказать что-то на этот счет затруднительно. Так или иначе, но юноше удалось недуг свой преодолеть, во всяком случае, в дальнейшем жизнеописании сибирского архипастыря о возвращении к нему прежнего заболевания не упоминается. А в пору ранней юности он вынужден был из-за обострения болезни оставить обучение. Надо полагать, все сводилось к тому, что юноша не мог покидать родительский кров и посещать занятия, иначе бы он непременно учебу закончил. Но из этого непростого положения он нашел выход и не стал иждивенцем у родителей, а начал учиться начаткам иконописания. По сохранившимся воспоминаниям, уже будучи сибирским владыкой, Варлаам не оставил занятия этого рода, и кисти его принадлежало несколько икон на местную тематику, а еще по его инициативе был открыт в Тобольской духовной семинарии класс иконописания. Но об этом чуть позже.

Итак, оправившись окончательно после болезни, в чем, вероятно, прежде всего, сыграли свою роль молодой организм, сила духа и желание жить полноценной жизнью, отрок Петров в прямом смысле вставши на ноги, отправился для продолжения образования в Санкт-Петербург в Александро-Невскую лавру. Опять же нет точных сведений о годах его обучения, известно лишь, что в Лавре он под руководством схимонаха Досифея стал «послушником, где много трудился, проявляя необычайную ревность к молитвенным подвигам и отличаясь послушанием к начальствующим и братии».

Может возникнуть мысль, что будущий владыка не получил положенного ему по сану образования, но оставшиеся после него печатные труды и заботы о расширении курса наук во вверенной ему семинарии говорят об обратном. То был высокообразованный пастырь, научные интересы которого выходили далеко за рамки круга его обязанностей. А то, что не сохранилось документов о его образовании, то в ту эпоху только лишь шло становление системы духовного образования, и, скорее всего, образование свое отрок Варлаам получил непосредственно в школе при монастыре, открытой в новой российской столице 25 октября 1721 г. Она была учреждена «во общую пользу при Александро-Невском монастыре для учения юных детей чтению и писанию» и называлась Славянской школой. В 1726 г. на основе школы была создана Александро-Невская Славяно-греко-латинская семинария. Она давала будущим служителям церкви серьезное по тем временам общее и богословское образование. Наставники семинарии занимались также научной и издательской деятельностью. Нет прямых ссылок на то, что именно эту семинарию закончил Варлаам (Петров), но об этом косвенно свидетельствуют его преобразования в Тобольской духовной семинарии, образом для которых служила Александро-Невская семинария.

Но и в Петербурге новые испытания не обошли стороной отрока. Его биографы сообщают, что «ему пришлось перенести немало от братии, которая поначалу презирала его». Более чем загадочная фраза, направляющая на размышления. За что могли в мона-

шеской среде относиться с презрением к молодому послушнику? За гордость? Физические недостатки? Или что-то иное? Чаще всего в любом коллективе не принимают в свою среду новичка замкнутого, неразговорчивого, тихого и кроткого, который не умеет заступиться за себя, проявляет излишнюю робость. Конечно, мы вряд ли когда разгадаем до конца эту неясность в биографии Варлаама, но его личные качества, обозначившиеся в более зрелом возрасте – незлобивый нрав, помощь сирым и убогим, простота в обращении и прочие подобные черты характера – дают возможность остановиться на высказанном ранее предположении. И далее биографы пишут: «Свое утешение он находил в усиленном чтении Священного Писания, житий святых угодников Божиих и других духовных книг».

А затем все изменилось. По совету схимника Досифея, «который провидел в молодом послушнике избранника Божия», он принял постриг. После этого инок Варлаам ступил на иную жизненную ступень и, как пишет биограф, «отношения насельников Лавры к нему изменилось». Не будем забывать, что молодому человеку оказывал покровительство наиболее уважаемый в той среде человек – схимник Досифей, что должно было сыграть определенную роль в его самоутверждении среди монастырской братии.

Примечателен и случай, произошедший с молодым иноком, когда он находился на службе «еще будучи иподьяконом при епископе Гаврииле». Именно тогда «Варлаам пережил событие, символически преобразовавшее всю его дальнейшую жизнь». Случилось это во время крещения при освящении Иордани. Неожиданно лед на реке разошелся и укрепленный на снегу крест упал в воду и начал тонуть. Варлаам, не задумываясь, бросился за ним в воду. Вскоре после этого он был рукоположен в сан иеродиакона, а затем иеромонаха.

В 1764 г. Псковский епископ Иннокентий (Нечаев) предложил ему место игумена Спасо-Елеазаровского монастыря, на что тот после недолгих раздумий согласился. А исполнилось ему на тот момент тридцать пять лет. Возраст зрелости и свершений. Самое время для пробы сил и начальственного служения.

Тут следует сказать несколько слов об Иннокентии (Нечаеве), являвшимся, по словам историков церкви, одним из выдающихся архиереев в период царствования Екатерины II, по поручению которой он подготовил новое «Положение о духовно-учебных заведениях» и составил замечания на ее «Наказ» по этому вопросу. Как член Российской академии, он принимал деятельное участие в трудах академии по составлению словопроизводного «Словаря» и представил свои соображения относительно плана подготовки издания «Толкового словаря славяно-русского языка». В дальнейшем Иннокентий (Нечаев) стал профессором философии и префектом московской Славяно-греко-латинской академии, а также архимандритом и наместником Троице-Сергиевой лавры. Несомненно, будучи человеком просвещенным и одним из образованнейших иерархов той эпохи, епископ Иннокентий приближал к себе людей того же уровня или подающих надежды в достижении определенных успехов на ниве церковного служения. Надо полагать, далеко не случайно на место игумена известного во всем православном мире монастыря он пригласил иеромонаха, ни в чем пока что себя не проявившего. А про сам Спасо-Елеазаровский монастырь следует рассказать отдельно и более подробно.

Монастырь был основан в 1425 г. преподобным Евфросином, в миру Елизарием, одним из учеников преподобного Сергия Радонежского. По собственной инициативе преподобный Евфросин ходил пешком в Константинополь и там был принят самими Константинопольским Патриархом, который подарил ему список Цареградской иконы Божией Матери. Одним из видных подвижником Спасо-Елеазаровой обители был старец Филофей, ставший в дальнейшем повсеместно известным благодаря выдвинутой им идее «Москва – Третий Рим», которая сделалась на много веков ключевой для русского самодержавия и православия. Долгое время Спасо-Елеазаровский монастырь, населенный богословами-книжниками, был центром российской духовной жизни. Несомненно, что архимандрит Варлаам за четыре года руководства монастырем познакомился со многими книжными памятниками, хранившимися в его стенах, и это опять же повлияло на его дальнейшую деятельность уже в качестве сибирского владыки.

Затем он был назначен настоятелем в Новоторжский Борисоглебский монастырь Тверской епархии, где пробыл недолго. Но хотелось бы вкратце сказать несколько слов и об этом замечательном монастыре, являющимся одним из первых древнерусских православных монастырей. Он был основан преподобным Ефремом около 1038 г. , в период княжения великого князя Киевского Ярослава, почти в одно время с Киево-Печерской лаврой, принадлежит к числу древнейших обителей и считается третьим монастырём со времени их появления на Руси. Братия этого монастыря, по словам современников, отличалась строгостью и подвижничеством в своем житии, чем, собственно говоря, и славилась обитель по всей России. Трудно сказать, намеренно Варлаам (Петров) был определен туда или волей случая, но несомненно, что даже краткое пребывание в нем сыграло свою роль в дальнейшем его становлении и выборе жизненных ориентиров.

5 октября 1768 г. он был хиротонисан во епископа Тобольского и Сибирского в придворной императорской церкви. Столь малые сроки нахождения его на должности настоятеля монастыря объясняются, прежде всего, тем, что огромная Сибирская епархия, после отстранения от должности в начале 1768 г. митрополита Павла (Конюсевича), осталась без духовного главы. Политика императрицы Екатерины II по замещению епископов-малороссов выходцами из северных и центральных российских областей прямым образом повлияла и на судьбу епископа Варлаама, у которого, не будем забывать, его младший брат Гавриил занимал довольно значительную должность в церковной иерархии и был причастен ко всем изменениям, происходящим в тот исторический период.

Так или иначе, но это было кардинальное изменение, благодаря которому, став епископом, Варлаам (Петров) вошел в круг высших должностных лиц, от чьей воли зависели судьбы тысяч людей. Положение вверенной ему епархии, где еще совсем недавно полыхали раскольничьи костры, никак нельзя назвать устойчивым и стабильным. Не хватало образованного духовенства. Количество ссыльных и переселенцев, не отличающихся особой приверженностью к вере, возрастало с каждым годом. Частые пожары с завидным постоянством уничтожали церковные строения, в большинстве своем деревянные, в то время как малые средства от церковных сборов не позволяли должным образом вести храмовое строитель-

ство. Одним словом, епископу Варлааму досталась не самая престижная епархия, в которой ему предстояло провести множество преобразований и вывести ее на общероссийский уровень благодаря кропотливому подходу и неспешному решению многочисленных проблем, возникающих на столь протяженной территории ежедневно, если не ежечасно. Но именно такой человек – образованный, имеющий на все свое мнение, твердый в вере и в выполнении своего архиастырского долга – нужен был на тот момент для Сибирской епархии.

Знал ли епископ Варлаам, что едет в Тобольск надолго, а точнее, навсегда? Что быть ему там погребенным рядом с одним из выдающихся людей начала XVIII века – Иоанном Максимовичем почитаемым сибирским народом за святого задолго до официальной его канонизации? Народная молва приписывает владыке Варлааму дар пророчества, получается, предвидел он свою кончину на сибирской земле, но, как истинный подвижник православной веры, не убоялся, не отказался от епископской митры, а со смирением отправился в долгий путь, как принято говорить, в одну сторону, и 8 марта 1769 г. прибыл к месту слияния двух великих сибирских рек – Иртыша и Тобола.

Сам Тобольск, а вместе с ним и другие сибирские города и селения предстали перед сорокалетним епископом во всей своей красе и одновременно – убожестве: начато многое, а вот довести до конца у его предшественников сил как будто бы не хватило. И тому есть довольно простое объяснение. В те времена в Сибирскую епархию входили следующие губернии: Тобольская, Оренбургская, Пермская, Томская, Енисейская. Второй такой епархии в России никогда и не было. И далеко не каждому архиастырю было по силам управление столь обширной территорией.

На наш взгляд, новый епископ видел перед собой две главных задачи, дополняющих одна другую, – строить и просвещать. С одной стороны, предстояло продолжить начатое почти столетие назад возведение каменных храмов, а с другой – реорганизовать подготовку подрастающего поколения церковнослужителей и тем самым добиться решения кадрового вопроса, без чего существование полноценной приходской жизни было невозможно.

Сибирское зодчество

Каменное строительство в Сибири, начавшееся в конце семнадцатого века, развивалось медленно и довольно неравномерно. Если в эпоху Петра намечился бурный всплеск в возведении культовых и гражданских сооружений, то потом наступил длительный перерыв, и дальнейшее строительство возобновилось лишь при Елизавете Петровне. В Сибирской епархии заложили несколько новых храмов, но довести строительство до завершения по разным причинам не удавалось. Потому на долю владыки Варлаама выпала нелегкая участь продолжить этот процесс, сделать его стабильным и неугасимым.

Хотя в самом Тобольске уже были возведены несколько приходских церквей в каменном исполнении, но ряд из них ждали завершения и освящения. Так, например, строительство Сретенской, или Пятницкой церкви в каменном исполнении началось по

благословению еще митрополита Сильвестра 5 августа 1754 г. Теплый нижний храм был закончен и освящен епископом Варлаамом в 1770 г. – уже через год после начала его святейтельского служения. А еще через несколько лет (24 мая 1775 г.) освятили и верхний придел. Нужно отметить, что судьба этого храма, как и у многих людей, довольно непростая, пришлось ему неоднократно пострадать от разных бедствий: в 1784 г. во время самого большого наводнения за все время существования Тобольска воды в нем было почти на аршин, а в 1788 г. храм подвергался пожару, но вскоре был исправлен и освящен.

Символично и то, что 13 сентября 1768 г. в Тобольске была заложена каменная Петро-Павловская церковь во имя первоверховных апостолов Петра и Павла, а 5 октября 1768 г. был хиротонисан во епископа Тобольского и Сибирского архимандрит Варлаам, носящий в юности фамилию по имени одного из этих апостолов – Петров. Имел тот храм приделы Алексия митрополита Московского чудотворца и преподобного Нила Столбенского. И освещать его выпало именно Варлааму (Петрову) 10 августа 1774 г.

Гордость Тобольска, первый каменный храм за Уралом – Софийско-Успенский кафедральный собор, построенный добротнo московскими мастерами более столетия назад, – также требовал срочного ремонта. Сумма на реставрационные работы требовалась немалая, но средств на это в епархии не было. Тогда владыка Варлаам лично обратился за помощью к императрице, и та, «уважая благочестие и полезное служение сего архипастыря», разрешила выделить 15 521 руб. 30 коп. на ремонт собора. Деньги поступали не сразу, а в течение трех лет, начиная с 1784 г. , по мере проведения ремонтных работ. За три года кафедральный собор был отреставрирован: «покрыт железом с окраскою малахитом, а маковица на большой главе и кресты вызолочены. На шее под маковицей изображены Христос с 12 Апостолами; иконостас поновлен, по тому же прежнему греческого стиля письму». 20 июня 1787 г. он был освящен «со всею торжественностью, при многочисленном стечении всех сословий».

Но епископ Варлаам на этом не остановился, а решил построить новую кафедральную колокольню, которая и в наши дни служит главным ориентиром для всей городской застройки. До этого более столетия городу исправно служила соборная однарусная колокольня, построенная в 1683-1685 гг. Но она заметно ветшала и опасались ее скорого разрушения (что случилось 2 августа 1794 г.). Поэтому по настоянию владыки Варлаама в 1784–1786 гг. было начато строительство новой колокольни, выбрано место для нее и заложен фундамент.

Проект колокольни составил первый тобольский губернский архитектор поручик Александр Гучев, оставшийся на этом посту с 1782 по 1790 гг. Но из-за переезда Гучева к новому месту службы, наблюдение за строительством вел Петр Савин. При этом, как сказано в документе, «под наблюдением игумена Маргарита». Кладка стен началась в 1791 г. , после того, как фундамент ее шесть лет простоял доступный дождям и снегу, что, возможно, и сказалось, когда была выложена уже почти половина сооружения. О неудачном возведении соборной колокольни сообщалось следующее: «будучи выкладена 11 сажень, от несоответственности фундамента, 10 июля 1792 года упала».

Казалось, что мечта архипастыря о возведении небывалого для здешних мест величественного и монументального сооружения не суждено сбыться. Но владыка Варлаам, несмотря на случившуюся катастрофу, от замысла своего не отказался; решив любыми путями довести начатое дело до конца, он обратился с воззванием ко всему православному населению епархии. Его призыв был поддержан, и начался сбор средств. В короткий срок собрали нужную сумму и уже с большей осторожностью принялись за новое строительство уже на новом месте в 1794 г. На этот раз все завершилось удачно; соборная колокольня, высотой в 27 сажень, ставшая символом города, была завершена через три года и освящена владыкой совместно с двумя приделами во имя святых Афанасия Афонского и Сергия Радонежского.

Но и на этом строительство на архиерейском дворе не прекратилось. Владыка планировал возвести в Тобольске еще ряд каменных служебных помещений на Софийском дворе. Вновь по его просьбе лично императрица выделила для этих целей довольно значительную сумму – 18 000 рублей. На эти деньги под непосредственным наблюдением преподобного Варлаама удалось построить монашеский корпус, консисторию и трехэтажный архиерейский дом. Впоследствии в верхнем этаже архиерейского дома была устроена так называемая «домовая» крестовая церковь во имя сошествия Св. Духа, освященная в 1784 г. Церковная утварь и все необходимое для богослужения было взято из деревянной церкви того же имени, находившейся в загородной Архиерейской роще, но по ветхости разнообразной. Освящение домового храма в архиерейском доме 4 июля 1798 г. произвел лично владыка, который к тому времени «за усердные архипастырские труды» был уже наделен саном архиепископа.

Достоин удивления то усердие, с каким преосвященный занимался строительством церквей и иных сооружений во вверенной ему епархии. Так, в Тобольске 28 сентября 1771 г. была освящена Покровская (Крестовоздвиженская) церковь, а в 1780 г. при ней построена колокольня; 13 октября 1790 г. при храме был заложен еще один придел – во имя Симеона Столпника. В 1775 г. начато строительство храма во имя Семи Отроков на городском кладбище.

Дальновидность и прозорливость владыки проявилась и в открытии в селе Абалак нового мужского монастыря, переведенного туда в 1783 г. по его представлению из Невьянска ближе к Тобольску. В дальнейшем монастырь стал одним из самых почитаемых мест в Сибири, благодаря хранящейся там чудотворной иконе Абалакской Божьей Матери. До этого близ Тобольска находился Междугорский Иоанновский монастырь, где по распоряжению преосвященного в 1774 г. построили каменный одноэтажный корпус, а в 1780 г. еще один. В 1790 г. в том же монастыре строительство продолжили и возвели каменное двухэтажное здание, где разместили зимнюю церковь во имя Казанской Божией Матери.

В апреле 1788 г. Тобольск постигло страшное несчастье – пожар, во время которого сгорело 1100 жилых строений и пострадали практически все городские храмы. Но, несмотря на значительные потери, жители города поддержали своего архипастыря и жертвовали личные средства на приведение в пристойный вид сибирских святынь, участвовали в

работав по их восстановлению. За три года удалось большинство из пострадавших церковей подновить и возобновить церковную службу в них.

Способствовал преосвященный завершению работ в храмах, возведенных задолго до него. Так, церковь Богоявления Господа, одна из древнейших в Тобольске и Сибири, строилась довольно долго, а потом неоднократно перестраивалась. Престол в ее верхнем храмовом помещении был освящен преосвященным Варлаамом в 1794 г. Им же на собственные средства для Богоявленского храма был подновлен после пожара местный образ Богоявления Господня, а также пожертвована золотая панагия с мощами св. великомученицы Варвары.

Столь же активное строительство каменных храмов по благословлению преосвященного велось и в других городах Сибирской епархии и многих селах.

Так, в Тюмени при владыке Варлааме были построены следующие церкви: Успенская – заложена в 1765 г. и уже в 1769 г. освящена; Знаменская – заложена 21 сентября 1768 г.; зимняя св. Иоанна Златоуста – освящена в 1775 г., летняя Знаменская – освящена 1801 г.; Крестовоздвиженская (Никольская) – заложена в 1774 г. и освещена в 1791 г.; Спасская – в 1790 г. заложена и через четыре года строительство ее было закончено; Михаила Архангела – заложена в 1781 г., освящена в 1791 г.; Вознесенская (Георгиевская) – заложена в 1770 г.

На средства богатого предпринимателя Походяшина в Тюменском округе в селе Успенском 27 мая 1772 г. была заложена каменная церковь Успения Божьей Матери с приделом Иоанна Златоуста. Она была освящена преосвященным Варлаамом во время его путешествия по епархии 1 сентября 1779 г.

В Кургане в 1770 г. начато строительство Троицкой церкви; в Ишиме 20 июля 1793 г. освещена Богоявленская церковь; в Таре в 1773 г. основана Знаменская и примерно в то же время Николаевская и Успенская, в 1784 г. – Тихвинская на городском кладбище, в 1791 г. заложена Пятницкая. На севере епархии в Березове во второй половине XVIII века построены следующие церкви: Богородице-Рождественская, Антония и Феодосии и Воскресенская. В Томске в Александровском монастыре начинает действовать Казанская церковь и приходские: Богоявленская и Духосошественная; в Барнауле – Петропавловская; в Енисейске – Троицкая, св. Захарии и Елисаветы, Успенская и Крестовоздвиженская.

Лишь вблизи Тобольска в сельских, в «иностранческих» приходах при владыке Варлааме было открыто 38 храмов! И столь же активно велось храмовое строительство в самых отдаленных уголках епархии. Стоит ли говорить, что все подобные деяния требовали немалого вложения сил не только физических, но и духовных, умения убеждать людей в необходимости их деяний, затрат, жертв. Так что одну из своих целей по оживлению каменного строительства во вверенной ему епархии, – владыка Варлаам исполнил, оставив о себе в Сибири рукотворную память в виде каменных храмов и иных сооружений.

Нелегко пришлось ему и при исполнении второй задачи – на ниве просветительства, для чего все свое внимание он обратил на Тобольскую духовную семинарию, переживающую непростой процесс становления.

Сибирское просветительство

К моменту прибытия Варлаама согласно ведомости, в семинарских стенах обучалось 114 человек, а к концу его управления епархией их число было доведено до 500.

Признав, что размещаться ученикам в старом помещении на Софийском дворе тесно, но не хватает помещений для занятий, он приказал в 1770 г. перевести семинаристов в каменный корпус Знаменского монастыря, находящегося в подгорной части Тобольска.

Прежде в отдельные годы в штате семинарии состояло всего два учителя, в лучшие времена число их доходило до пяти человек. Классы открывались или закрывались в зависимости от наличия преподавателей. Отсутствовал элементарный устав семинарии, который бы регламентировал сам процесс обучения. Не было установлено и точного числа лет обучения: отдельные «рекорды» составляли 15 и 18 лет нахождения ученика в семинарских стенах. Поэтому по настоянию владыки были разработаны и приняты специальные «Правила» обучения и поведения студентов, за образец же был взят устав Киевской духовной академии. Их можно считать первым семинарским уставом, позволяющим регламентировать и упорядочить внутреннюю систему учебной и воспитательной работы. В 1773 г. был открыт выпускной богословский класс, без которого семинарское образование считалось неполным. Таким образом, лишь с 1773 г. Тобольскую духовную семинарию можно считать учебным заведением, полностью соответствовавшим статусу семинарии.

В 1798 г. была учреждена новая административная структура – семинарское правление. В его ведении находились не только решение всех учебно-воспитательных вопросов, но и ведение официальной переписки с духовными и гражданскими властями. Тем самым семинария становилась официальной организацией, практически независимой от епархиальной духовной консистории.

Кроме того, владыкой Варлаамом в программу семинарского обучения были введены новые предметы, расширяющие уровень знания воспитанников. Это были математика, греческий и немецкий языки, история и география, красноречие, рисование и даже татарский язык. Планировалось ввести изучение языков азиатских народов, проживающих в Тобольской епархии, – остяцкого, вогульского и тунгусского.

Со временем учительские должности по всем предметам заняли выпускники сибирской школы, отпала необходимость в привлечении ученых монахов из Киева, как это практиковалось почти тридцать лет.

Пrestиж семинарии год от года рос, и ее выпускники, а то и недоучившиеся семинаристы, но уже имеющие определенную подготовку, приглашались в различные гражданские ведомства на службу. Из них готовили медиков, аптекарей, переводчиков. Так, в декабре 1779 г. иркутский губернатор Франц Николаевич Кличка обращается к епископу Варлааму с просьбой о присылке в Иркутск двух семинаристов. Свою просьбу он сопровождает следующим пояснением: «Ея Императорского Величества высочайшее соизволение есть, в разрешении здешнева пограничнова места, и внутреннних иноверцов, содержать всегда на

жалованье в обучении китайского и мунгальского языков несколько молодых людей, которые бы обучаясь для определения впредь в должности переводческая готовыми состояли».

С открытием в Тобольске Главного народного училища возникла проблема нехватки учителей для первого в Сибири гражданского учебного заведения подобного типа. И опять взгляды местного начальства устремились в сторону семинарии. В июле 1791 г. губернатор А. В. Алябьев лично обратился к владыке Варлааму «в устной форме», как значится в документе, и попросил направить двух семинаристов в качестве учителей в народное училище. Епископ через ректора Геннадия благосклонно разрешил двум ученикам из класса риторики – дьячку Введенской Тобольской церкви Александру Протопопову и Степану Иконникову – перейти на службу в народное училище.

В 1791 г. специальным распоряжением Синода требовалось выявить семинаристов, которые желают перейти на гражданскую службу. В Тобольской духовной семинарии из двухсот с лишним учеников желающих нашлось всего лишь девять человек, и им было разрешено беспрепятственно покинуть семинарские стены и, соответственно, духовное сословие. Но владыка очень ревностно относился к питомцам семинарии и на одном из прошений о переходе на гражданскую службу написал следующее: «В семинарии нашей обучаются не для гражданского звания, но для пользы св. церкви, да и я писал и просил Всемилостивейшую государыню о прибавке на семинарию суммы, чтобы удовлетворять церкви учеными священниками. А из наших семинарии своевольцы и развратники, пренебрегая духовное звание, притворяют себя в духовном чину быть неспособными и просят в светскую команду, куда их никто не требует, или увольнения в С. -Петербург».

Одной из проблем, с чем пришлось столкнуться владыке Варлааму, были частые побеги домой учащихся семинарии. Причина побегов заключалась, прежде всего, в нелегких условиях быта и процесса обучения семинаристов. Все это выливалось в отказ, особенно иногородних семинаристов доучиваться весь положенный срок и следовавшие в связи с этим побеги к себе на родину. Тобольская семинария в XVIII веке оставалась долгое время единственным духовным учебным заведением как в Восточной, так и Западной Сибири. Поступали в нее семинаристы, приезжающие с Урала, с Вятки, вплоть до Поволжья. Так что для того, чтобы попасть домой, им приходилось зачастую преодолевать не одну сотню верст, но этот факт редко кого из них останавливал.

Другой причиной, побуждавшей семинаристов к побегу, можно назвать общий негативный настрой их родителей к долгому процессу семинарского образования. Большинство их отцов принадлежало к тому поколению, которое миновала эпоха «просвещения», и они, обучившись основам счета и чтения, занимали священнослужительские должности в своих приходах без многолетнего обучения в семинарии.

Особенно обострялась ситуация, когда отец, находясь в преклонном возрасте, уже не мог служить дальше и ждал сына, чтобы передать ему с рук на руки свой приход. Не надо забывать, что вплоть до конца XIX века должность священника считалась наследственной, а само духовное сословие являлось закрытым, во всяком случае, ограниченном для

доступа туда лиц иного происхождения. Поэтому по давней традиции приход, как место служения, передавался от отца к сыну на наследственных основах и, по мнению старшего поколения сибирского духовенства, начавшего свое служение еще в первые десятилетия XVIII века, учеба в семинарии мало влияла на возможность замещения их детьми освобожденного прихода. Поэтому отцы-священники без доли смущения отказывались отпустить своих малолетних детей на учебу, а если тем удавалось сбежать из семинарии и благополучно добраться до дома, то становились укрывателями беглецов.

Благодаря попустительству сердобольных родителей семинаристы под разными предложениями массово не возвращались к месту учебы после окончания каникулярных отпусков, и на их поиски направлялся специально содержащийся для подобных целей консисторский пристав, препровождавший затем забывчивых учеников в Тобольск. Поэтому семинарское начальство выдавало им при отправке на каникулы специальные «вакционные билеты», в которых указывался срок, когда им надлежит явиться в семинарию. Кроме того, учеников, показавших слабые успехи во время учебы, старались совсем не отпускать в каникулярное время домой, стремясь задержать их как можно дольше в Тобольске. Но подобные методы не приносили ощутимых результатов: семинаристы бежали (особенно в летнее время) десятками человек.

Так, об укрывательстве семинаристов в родительском доме свидетельствует рапорт Алапаевского духовного правления от 19 сентября 1797 г. В нем сообщается, что священники Мурзинской слободы М. Словцов и Аятской слободы И. Машанов не выслали в семинарию своих детей «по одному своему упрямству и презрению к начальству». После возвращения их через пристава в семинарию были затребованы к ответу и отцы, которых консистория особым указом повелела «выдержать их через трои сутки под стражею». В том же году в мае сын священника Байкаловской слободы Ирбитского заказа Прокопий Карпинский «бежал неизвестно куда». В следующем рапорте сообщалось о побеге ученика А. Иконникова, который был вскоре найден в доме учителя семинарии священника Иосифа Гиганова. И это лишь небольшая часть из весьма пространного списка семинарских беженцев.

Иногда семинаристам удавалось пешком или на перекладных выбраться за пределы Тобольской губернии и объявиться за несколько сот верст от места учебы. Так, в деле «О поимке сбежавших учеников Тобольской семинарии» сообщается, что староста села Ильинского Хлыновского уезда задержал трех тобольских семинаристов без паспортов. Ими оказались: Петр Павлов, Иван Буров, Никита Кудрявцев. Он отправил их в Вятскую провинциальную канцелярию, где они рассказали, что во время обучения в семинарии «пищею и одеждою содержаны были весьма недостаточно от чего и имели крайнюю нужду и бедность», а поэтому бежали. С их слов, несмотря на прошения об определении на церковную службу, им было в том отказано. Тогда они «намерены были явитца в Святейший Синод и просить о определении в церковный причт».

Судя по всему, побег семинаристов стали массовым явлением во многих российских епархиях. Об этом свидетельствует указ Св. Синода от 9 сентября 1797 г. преосвя-

щенному Варлааму, в котором предписывалось: «Ежели из семинаристов найдутся таковые, которые побегали, худыми поступками и развратным нравом себя опорочили, с теми поступать по 9 дух. регламента во второй части о делах пункту, в коем изображено, чтоб учеников, который из них крайне туп или хотя и остроумен да развращен да упрям и непобедимой лености отпускать от школ, отнял им всю надежду чина священнического неотменно». А через год из Петербурга на имя преосвященного был прислан указ от 31 октября 1798 г. , согласно которому предлагалось исключать семинаристов, если они «в проступках или пороках своих по многократным увещаниям не исправятся». А тех, кто склонен к исправлению, оставлять под строгим наблюдением и «все вины их записывать в специальной журнальной книге».

Подводя итог деятельности владыки Варлаама на архиерейском посту в качестве наставника духовной семинарии, мы можем уверенно констатировать, что его вклад по своей значимости и важности до сих пор не оценен должным образом. А ведь именно при нем Тобольская духовная семинария – «Сибирские Афины», как многие выпускники с любовью именовали ее, – сумела преодолеть многие промахи и упущения, доставшиеся ей в наследство от первых десятилетий после начала формирования ее на базе архиерейской школы.

Среди них и решение кадрового вопроса, когда была устранена зависимость от формирования преподавательского состава извне. Бывшие семинаристы вполне смогли заменить киевских ученых монахов и наладить ведение курса обучения на должном уровне. Благодаря этому удалось ввести полный (семилетний) срок подготовки священнослужителей, что могло себе позволить далеко не каждое учебное заведение России подобного уровня. Был принят семинарский устав и проведена регламентация всего учебного процесса, что, в свою очередь, позволило вести обучение строго с нормами и правилами европейского учебного стандарта. Немаловажен факт стабильного государственного финансирования семинарии, тогда как ранее епархиальный владыка должен был самостоятельно изыскивать средства на ее содержание.

Все это говорит о том, что духовное образование в крае в восемнадцатом столетии намного опередило в своем развитии образование гражданское, «светское», и огромная заслуга в этом принадлежит именно владыке Варлааму, сумевшему в непростых условиях не только наладить деятельность духовного учебного центра, единственного на тот момент на территории Азиатской России, но и поднять его на общероссийский уровень.

Можно лишь удивляться, какова сила духа была у сибирского преосвященного, чтобы на протяжении трех десятилетий изо дня в день заниматься и просвещением подрастающего поколения, и следить за строительством. При этом не пропустить ни одного богослужения, оставаться человеком отзывчивым к бедам и нуждам братьев своих, заслужив тем самым их искреннее уважение и почитание.

На сибирской земле оставили добрую память о себе многие подвижники православия, и каждый из них дорог нам и является примером для подражания. Но мало кто из них сумел воплотить в жизнь столь многое, что кажется совершить это всё не под силу одному человеку. Но он, архиепископ Варлаам, смог и вряд ли расценивал труды свои как особую

заслугу, ничем особо не выделяя себя из числа простых смертных. Может, так и должен жить каждый – меньше думая о себе самом, не ожидая похвалы при жизни, трудясь во благо людей и того, кто есть истинный ценитель и покровитель дел добрых и разумных.